

ЭЛЕМЕНТЫ ВОСТОКА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПОЭТОВ

*Узакова Мухлиса,**студентка 4-курса УзФинПИ**научный руководитель, ст.преп.**Вохидова Нигора Абдузугуровна*

Аннотация: Актуальность работы обусловлена общим интересом современного литературоведения к проблемам компаративистики и межкультурной коммуникации. В работе рассматриваются многосторонние контакты русской литературы XIX-XX веков с элементами восточной культуры, традиции, быта. Изображение жизни Востока стало примечательной чертой литературы той эпохи. Еще во второй половине XVIII века эстетически новая для русских писателей и русской читательской аудитории восточная литература привлекла внимание в России, а последующие столетия не стали исключением для изучения данной тематики.

Ключевые слова: Восток, межкультурные коммуникации, традиции и обычаи, восточная поэзия, газели, касыды, апологи, притчи, подражательная поэзия.

Большой интерес в русской литературе XIX века представляет обращение к жанровым традициям восточной поэзии. Публикация многочисленных переводов из восточной поэзии вызвала к жизни появление большого количества подражательных произведений русских поэтов. Так, например, появляются подражания Корану (А.С.Пушкин, 1824; А.Г.Ротчев, 1827). Характерным являются подзаголовки большинства стихотворений русских поэтов: «Из Гафиза», «Подражание восточному», «Подражание персидскому», «Подражание Саади» и др. В произведениях русских писателей все чаще встречаются герои с восточными именами, названия восточных городов, какие-либо полюбившиеся афоризмы и апологи.

Русские поэты обращаются к таким восточным жанрам, как газели, касыды, апологи, притчи. Жанры восточной поэзии использовались, с одной стороны, для создания стилизаций под Восток, соблюдения канонов восточной поэзии, с другой стороны, - в общественно-политических целях. Второй аспект давал возможность при обращении к злободневным политическим проблемам с помощью восточного фона преодолеть цензурные ограничения.

Публикация многочисленных переводов произведений Низами, Гафиза, Саади, Фирдоуси, Джамии, Ибн-Руми и др. вызвали к жизни большое количество подражательных произведений русских поэтов, наполненных духом Востока. Начинают появляться произведения с подзаголовками «Из Гафиза» (А.Пушкин, Л.Якубович), «Подражание Саади» (Л.Якубович), «Подражание персидскому» (Сиянов), «Подражание восточному» (А.Редкин, В.Красов) и др. В русскую поэзию этих лет входит и жанровая традиция этих лет: появляются газели, касыды, апологи, притчи. Русские писатели использовали эту жанровую терминологию в двух аспектах:

- 1) в литературном (попытки переводчиков стилизацией под Восток следовать и соблюдать каноны его поэзии – так появлялись газели и касыды);
- 2) общественно-политическом (стремление через иноземный, в данном случае, восточный фон, преодолеть цензурные рогатки, касаясь злободневных общественно-политических проблем).

Первый стихотворный перевод из восточной поэзии был выполнен Ю.Познанским. Перевод из Хафиза опубликован под названием «Ода Гаафица». Этот перевод ознакомил русскую публику с формальными особенностями газели и заложил начало творческому освоению канонов восточной поэзии русскими поэтами. Д.П.Ознобишин-Делибюрадер перевел ту же газель Гафиза пятистишиями и под названием «Ода Гафица» опубликовал в альманахе «Северная лира на 1827 год»¹.

Большинство произведений того времени далеки от канонов восточной поэзии – «Витязь буланого коня (арабская касыда)» О.Сенковского, «Молодая

аравитянка. Газель» Ф.Менцова, «Фарис (Кассида в честь Эмира Таджул Фехер)» В.Щастного, «Шанфари (Арабская Касида)» Я.Драгоманова и др. Произведения этих авторов во многом созданы на восточном материале, описания даются в обрамлении восточных понятий, наименований и имен, но по жанровым особенностям они до того далеки от канонов газели и касиды, что их с неменьшим успехом можно было отнести к любому другому стихотворному жанру. Наиболее четко сохранены жанровые особенности восточной поэзии в переводе из Хафиза П.Я.Петрова «Газель (Из Хафиза)»². Выполнив перевод с оригинала, Петров не только передал свойственный творчеству Гафиза восточный дух, но и сохранил все жанровые особенности газели – своеобразную рифмовку и употребление сфрагиды (упоминание в стихотворном произведении имени поэта, автора данных стихов).

По-иному вошли в русскую литературу восточные апологи и притчи, обращение к которым позволяло обойти цензурные рогатки. С середины 1820-х годов в русской периодике были опубликованы произведения с подзаголовками «восточный аполог», «восточная притча», «восточная басня». Как правило, в этих «восточных» произведениях Восток – чисто внешняя сторона, проявляющаяся в именах героев, в «местном колорите», но не вклинивающаяся в идейный смысл. В качестве примеров можно привести такие произведения, как «Таир. Восточная притча» (анонимная), «Дервиш» (А.Д.Илличевский), «Иман-козел» (А.И.Полежаев), «Жалобы турка (письмо к другу, иностранцу)» (Лермонтов), «Три пальмы (восточное сказание)» (Лермонтов), «Язык и зубы» (П.А.Вяземский) и др. Характерным в этом плане является произведение П.А.Вяземского «Язык и зубы (Восточный аполог)», написанное в 1823 году:

Один султан пенял седому визирю,
Что твердой стойкости он не имел во нраве.
«За недостаток сей судьбу благодарю!
Им удержался я и в почести, и в славе...
Мне шестьдесят пять лет, - прибавил он с улыбкой, -

Из твердых тех зубов, которые имел,
Ты видишь – редкий уцелел,
Но всех пережил один язык мой гибкой»³.

В этих строках ясно ощущается намек на временщика Аракчеева, хитростью и двуличием удерживавшегося у власти. Таким образом, мы видим, как Вяземский, используя типично восточную жанровую форму, выражает свои политические взгляды. В этой же манере написано стихотворное произведение Вяземского «Визирь Гассан (сказка)», в которой содержится рассказ о встрече двух приятелей, по-разному проживших жизнь и находящихся на разных ступенях сословной иерархии.

Ярким примером творческого освоения элементов восточной литературы является художественное наследие русского поэта В.Л.Величко (1860-1903). Знаток Востока и восточных языков (владел турецким, арабским, персидским, а также азербайджанским и грузинским языками), Величко использовал свои познания в поэтической деятельности. Он известен и как автор целого ряда оригинальных произведений, и как тонкий и вдумчивый переводчик стихотворений, притч и пьес восточных авторов, бережно передающий национальный колорит переводимых произведений. Перу Величко принадлежат переводы из Хайама, Хафиза и Саади.

Названия некоторых поэтических сборников Величко, изданных в Петербурге, отражают поэтические пристрастия автора: «Восточные мотивы» (1890), «Из кавказских напевов» (1895), «Арабески. Новые стихотворения» (1903). Сборник «Восточные мотивы» был настолько популярен, что на стихи из этого сборника было создано много романсов. Симптоматично название первого сборника стихов Величко «Восточные мотивы», в который вошли лирические этюды и произведения с сюжетно-фабульной основой: басни, сказки, шутки, притчи, хадисы, анекдоты, поэмы. Указанные жанры показывают, что поэт часто обращался к использованию жанровых традиций восточной литературы, как оригинальной, так и фольклорной. Об этом

свидетельствуют и названия стихотворений поэта («Газель», «Месяц и роза», «Персидская песня» и др.), и подзаголовки лирических произведений («перевод с татарского», «лезгинская шутка», «персидская песня», «перевод с арабского» и др.)

В стихах из сборника «Восточные мотивы» типично восточная лексика: «моя лунолика», «дней моих солнце», «стан кипарисный» и др. В основу поэтического посвящения любви «Месяца и розы» положен принцип контраста: противопоставлены влюбившиеся в царицу цветов розу Солнце и Месяц (типичные символы восточной поэзии), последний из которых, олицетворяющий нежность, верность и преданность, торжествует победу:

Был яркий день, и солнце обливало
Волнами золота благоуханный сад.
Дышало жизнью все и чаровало взгляд,
Но всех цветов пышней там роза расцветала.
Глядя с высоты, «влюбился в розу месяц сребролицый»⁴.

Его одолевает ревность, когда он видит, как «солнце властно жгло розу поцелуем, сияя в огненном венце своих лучей». Но день сменился ночью, наступило царство Месяца, который пробудил розу влюбленным взглядом. Она вся затрепетала и «в сиянии загадочном читала не жадной страсти зной, а тихую мольбу». Покоренная мольбой чарующей силы, «роза пышная страдальца полюбила, и вмиг на лепестках слезинки засверкали».

В сборнике «Восточные мотивы» есть несколько стихотворений, связанных с именем народного мудреца, остролова Моллы Насреддина, помеченных общим заглавием «Из преданий о Ходже Наср-Эддине» или «Анекдоты о Мулле Наср-Эддине» с указанием «с татарского». Известно, что Молла Насреддин – один из популярных героев устного народного творчества стран Востока. Величко по народной традиции создает образ защитника справедливости, мудрого человека, борющегося против зла, невежества оружием своего уничтожающего смеха (анекдот о «мертвом» котле, «На

погребенье», «Ложь», «Аба (плащ)» и др.). Так, известный анекдот о «мертвом» котле обретает у Величко поэтичную форму. Скупец-сосед с болью в сердце отдает Молле Насреддину на пять-шесть дней кастрюлю, но при возвращении ее он не может скрыть своей радости, так как кастрюлю Молла возвращает «с приплодом»: «твоя кастрюля родила». Маленькая кастрюля на дне большой свидетельствовала об этом. Но Молла почему-то посмеялся над незадачливым соседом. Когда же Молла просит у него котел, скупец отдает его с радостью в надежде на прибавление и не верит словам Насреддина, когда тот по прошествии положенного срока заявляет:

«Котел твой помер, нет котла!» На брань соседа он отвечает:

Мой друг! Ведь если мы поверим,

Что и кастрюля родила, -

То как не верить в смерть котла?!⁵

Таким вопросительным предложением автор завершает анекдот, предоставляя читателям возможность посмеяться над жадностью посрамленного соседа. Молла Насреддин в изображении Величко чаще всего оказывается человеком, умеющим находить выход из трудных положений, смеющийся над недостатками людей, их суеверием и невежеством. Все это дает основание говорить о том, что для творчества Величко были характерны жанры притчи, анекдота, в которых он мог талантливо использовать поэтические приемы восточных литератур, некоторую назидательность, присущую литературам Востока.

Обращение русских литераторов к традициям литератур средневекового Востока способствовало обогащению поэзии XIX века. Мотивы и поэтические приемы, жанры поэзии и народного творчества Востока входили в поле зрения русских писателей, преломляясь в их творчестве, получали новую жизнь. Впоследствии эти традиции были продолжены и в русской поэзии XX века в творчестве таких известных поэтов, как В.Хлебников, В.Брюсов, Н.Гумилев и многие другие.

Большое внимание уделял восточной теме и Н. С. Гумилев. Особое место в творчестве Гумилева занимала Персия, что было связано с его увлечением творчеством исламских поэтов-мистиков, в частности, Гафиза, Саади и Хайяма, Насири Хосрова. Так, русский перевод «Песни» Насири Хосрова послужил источником для стихотворения Гумилева «Пьяный дервиш», который он включил в свой рукописный сборник «Персия». В суфийской мистической лирике часто встречается упоминание лика некой красавицы или красавца с пышными темными кудрями. И только дуновение ветра отбрасывает кудри с лица красавицы (красавца), позволяя заглянуть за покровы вечности. В стихотворении Н.С. Гумилева «Пьяный дервиш» мы встречаем строки, основанные на суфийской символике: Мир – лишь луч от лика друга, Все иное – тень его. Особенный интерес представляет пьеса Гумилева «Дитя Аллаха», где главным персонажем является персидский поэт Гафиз (точнее Хафиз, что означает «хранитель Корана»). Юная Пери, дитя Аллаха, нашла в пустыне бесценную подкову Магомета и была н за это награждена правом познать земную любовь лучшего из сыновей Адама. От святого Дервиша она получила Соломоново кольцо для обручения с избранником и в попутчики Единорога, который должен был охранять ее от недостойных претендентов. По наставлениям мудрого Дервиша она отправилась искать свою награду. Трех претендентов встретила она на своем пути: юного гурмана любви Юношу, стремящегося в жизни лишь к наслаждениям; неистового вояку Бедуина, сделавшего смыслом своей жизни лишь войну; считающего величайшей ценностью в мире земную власть калифа Багдадского. Но Пери невольно принесла им смерть. Опечаленная Пери двинулась в Багдад, но и там не было лучшего сына Адама. Но наконец-то Пери нашла своего избранника на краю пустыни в облике поэта-мудреца Гафиза, бывшего ранее дервишем, но сменившего аскетизм на проповедь земных радостей. Гафиз обращается к Хизру – покровителю странствующих и путешествующих, духовному наставнику суфиев: Великий Хизр, отец садов, В одеждах, как листва, зеленых,

Хранитель звонких родников, Цветов и трав на пестрых склонах⁶. Согласно преданиям Аллах наделил бессмертного Хызра, владевшего источником живой воды, способностью совершать чудеса. В описаниях суфийских поэтов он представал в виде благородного седобородого старца в зеленом халате. Зеленые одежды Хызра постоянно упоминаются в суфийских источниках как символ ислама. Где бы ни ступал Хызр, вокруг него начинала расти зеленая трава. В пьесе Гумилева «Дитя Аллаха» Хызр назван «отцом садов»⁷. Речь идет о саде истины, в центре которого находится источник живой воды, неоднократно упоминающийся в поэтических произведениях персидских средневековых поэтов-мистиков. «Только в стихотворениях, посвященных Востоку, да, пожалуй, в народных русских песнях, тоже сильно окрашенных в восточный колорит и напоминающих по пестроте узора персидские ковры, только в них находишь силу и простоту, доказывающую, что поэт – у себя, на родине»⁷, – пишет Гумилев в своем отзыве на вторую часть «Cor ardens» Вячеслава Иванова. Одним из самых активных путешественников по восточным краям можно назвать еще одного поэта – К. Д. Бальмонта. Он специально готовился к поездкам, читал книги о буддизме, о путешествиях в страны Индийского и Тихого океанов, собирал фольклор и переводил на русский язык произведения восточной литературы. Среди его переводов есть мифы Океании, поэзия Египта, поэма Ашвагхоши, буддийского драматурга, «Жизнь Будды».

В текстах стихотворений Бальмонта тоже присутствует подобное любованию природой: фея любит травой, сам поэт обращает внимание на красоту леса. Читаем строки из поэтического цикла:

Но зачем разгадка снов,
Если нежен лик цветов,
Если вводят нас цветы
В вечный праздник красоты⁸.

Эти строки становятся понятными, если рассматривать их через призму японского восприятия природы, где любованию красотой цветущих растений

может приблизить к божественному. Японская культура возвела на высокий уровень искусство гейши – девочки-женщины, с «фарфоровым» личиком, прекрасно играющей на музыкальных инструментах, в совершенстве владеющей поэтическим языком. Этот образ, олицетворяющий саму Японию, красивую, загадочную и непостижимую, возможно, дал толчок к созданию Бальмонтом поэтического образа Феи, обладающей многими достоинствами, названной им небесной феей сада. Тема Востока особенно ярко представлена в поэме А.Блока «Скифы». Поэма была написана 30 января 1918 г. в сложный для России период: это и Октябрьская революция, и ожидание наступления немцев на Россию. Эти строки он написал 11 января, за несколько дней до написания поэмы «Скифы». Поэт говорит о том, что Россию нужно уважать, иначе – мировая катастрофа, но Россия не боится, так как у нее «азиатская рожа», мощь и сила. В своем стихотворении А. Блок показывает, насколько различаются Запад и Восток: по обычаям, истории, культуре, мировоззрению, духовному развитию... «Скифы» заставляют задуматься о необходимости заключения перемирия между этими абсолютно непохожими мирами, так как в противном случае может быть поздно, и один из них может навсегда прекратить свое существование. Восточные мотивы слышны и в творчестве Велимира Хлебникова. Имея русско-восточное происхождение, что подтверждается биографическими записями, письмами, свидетельствами родных поэта, Хлебников проявляет особый интерес к проблеме русско-восточных исторических смешений (поэма «ХаджиТархан»), цыганской теме («Я и Саири вместе гуляли...», «Что тот сулил нам мавр заката...», «И вот зеленое ущелье Зоргама...», «Цыгане звезд...», к Закавказью («Вам», «Дети выдры», «Ручей с холодной водой...»). Так, в «Детях Выдры» действуют арабы, индийцы, армяне, племена тюрков, сарматов, абхазов, населявших Дагестан и Ширван, люди страны Берда – предки нынешних азербайджанцев. В одном из парусов (глав) повести Хлебников переносит нас в эпоху русско-татарских сшибок, в

другом – на Кавказ, к берегам Терека, в Грузию. Герой поэмы – Сын Выдры, наделенный чертами Запада и Востока, представляет собой Россию.

Свои «азиатские» корни всегда подчеркивала А. Ахматова, взявшая соответствующий псевдоним и прославившая в стихах бабушку-татарку. В сороковые годы Ахматова переезжает из осажденного Ленинграда в Ташкент, где напишет:

Кто посмеет сказать, что здесь

Я на чужбине...

Он прочен, мой азиатский дом⁹.

"Именно в Ташкенте я впервые узнала, что такое палящий жар, древесная тень и звук воды. А еще я узнала, что такое человеческая доброта", – [14] пишет она в мае 1944 года, уже будучи дома. Почти все стихотворные строки, написанные ею в Узбекистане, были о Ленинграде, но все равно Восток проступал сквозь них:

Заснуть огорченной,

Проснуться влюбленной,

Увидеть, как красен мак.

Какая-то сила

Сегодня входила

В твоё святилище, мрак!

Мангалочий дворик,

Как дым твоё горек,

И как твой тополь высок...

Шахерезада

Идет из сада...

Так вот ты какой, Восток¹⁰.

Литература:

1. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин (из истории романтической поэмы). Изд.2. Л., 1978.

2. Гаджиев А., Рзаев Ф., Якубова М., Алиева С. Восток в русской литературе. Баку, 2011.
3. Гюльмамедова Л.И. В.Л.Величко. «Песнь об удалом Домруле» - В кн.: Вопросы сравнительного литературоведения: русско-азербайджанские литературные взаимоотношения. Баку, 1990, с. 65-78.
4. Гаджиев А.Дж. Этапы литературного братства. Баку, 1986.
5. Пушкин А.С. Полн. собр. соч., в 10-ти тт. М., 1958.
6. Кюхельбекер В.К. Избранные произведения. В 2-х тт. М.-Л., 1967.
7. Поэты 1820-х – 1830 годов, в 2-х тт. М., 1972.
8. Вяземский П.А. Стихотворения. Л., 1958.